

**УЧЕНЫЙ, РЕДАКТОР, ЛИЧНОСТЬ:
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ ДМИТРИЕВИЧА БЛАГОГО (1893–1984)**

© 2017 г. Л. Г. Фризман

Доктор филологических наук, профессор Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, Украина, 61002, г. Харьков. ул. Алчевских, 29
leafri@rambler.ru

Дата поступления материала в редакцию 28 апреля 2017 г.

**SHOLAR, EDITOR, INDIVIDUALITY:
ON THE 125TH BIRTH ANNIVERSARY OF
DMITRIY DMITRIEVICH BLAGOY (1893–1984)**

© 2017 Leonid G. Frizman

Doctor of Philological Sciences, Professor at the Kharkov National Pedagogical G. S. Skovoroda University, 29 Alchevskikh Str., Kharkiv, 61002, Ukraine
leafri@rambler.ru

Received by Editor on April 28, 2017.

Дмитрий Дмитриевич Благой вошел в мой мир и занял в нем прочное место еще в студенческие годы. С тех пор стоят на моих книжных полках “Социология творчества Пушкина” и “Три века”. “Историю русской литературы XVIII века” сдавал по его учебнику, а дверь в Пушкина приоткрывал по

монографиям Благого и Томашевского. Когда я, будучи еще студентом, решил, что кандидатскую диссертацию буду писать о Баратынском, мог ли обойти вниманием автора статьи об этом поэте в КЛЭ?

В процессе дальнейшей работы, уже побывав в Мурановском музее и проделав определенные библиографические и архивные разыскания, загорелся идеей провести конференцию или научные чтения, приуроченные к 120-летию со дня смерти Баратынского. Обсудив ее с К. В. Пигаревым, который был первым московским специалистом, оказавшим покровительство моим занятиям, разослал несколько зондирующих писем людям, которые виделись мне как возможные участники этого дела. Среди них был, естественно, и Благой. Вот ответ, который я от него получил:

26/11964

По-моему, Вы проявили очень хорошую инициативу, уважаемый товарищ Фризман (Вы не сообщили мне Вашего имени и отчества), организовав конференцию по Баратынскому. Хотя я действительно очень занят, но поэзия Баратынского издавна мною любима, и я готов принять личное участие в конференции в той форме, какую мне предложат ее организаторы.

С пожеланием полного успеха Ваш Д. Благой

Конференцию по Баратынскому провести не удалось, но спустя два года вышла в свет моя книжка о Баратынском, я, разумеется, отправил ее Благому, а чуть позднее послал и автореферат моей диссертации об этом поэте. Его письма приобретали все более дружественный характер, между нами устанавливались

отношения, которым суждено было продлиться почти два десятилетия.

Уважаемый Леонид Генрихович,

до сих пор за крайним недосугом не поблагодарил Вас за книжку о Баратынском, которую Вы мне прислали, и не поздравил с несомненной исследовательской и литературной удачей.

Думаю, что Вам следует развить ее, выпустив монографию об этом одном из замечательнейших наших поэтов, до сих пор у нас отсутствующую. Жду ее от Вас и желаю полного успеха, в котором, судя по этой Вашей первой очень сжатой и вместе с тем очень содержательной книжке, не сомневаюсь.

Кстати, не поможете ли Вы мне вот в чем. Некоторое время тому назад я сделал выписку из письма Баратынского к Вяземскому от 18 марта — 1 апреля 1829 г.: “Вы мне очень лестно советуете приняться за прозу...” (далее следует обширная цитата из письма. — Л.Ф.). По рассеянности я не помню, откуда взял ее. Не вспомните ли Вы этого — ни в письмах, публиковавшихся при издании его сочинений, ни в письмах Вяземскому в “Старине и новизне” за 1902 г. (кн. 5) этого нет. Был бы очень признателен за Ваше указание. Ваш Д. Благой.

Ответить на этот вопрос для меня не представляло ни малейшего труда. Работая над Баратынским, я составил для себя указатель его писем как опубликованных, так и находящихся в архивах. Я без труда установил, что интересовавшее Благого письмо было опубликовано в “Литературном наследстве”, но тома этого в моей библиотеке тогда не было, и я не мог с уверенностью сказать, наличествует ли в нем выписанная цитата. Я указал ему место публикации, и вот что он мне ответил:

7.4.67.

Дорогой Леонид Генрихович, спасибо за то, что Вы так “оперативно” откликнулись на мою просьбу и навели меня на след.

Забавнее всего, что “черт оказался у меня за плечами” (помните, как сказал у Гоголя Пацюк кузнецу Вакуле). Ведь письма (точнее отрывки из писем) современников о Пушкине в 58 томе “Лит. наследства” я предварял вводной статьей, и письма мне прекрасно известны. Конечно, отсюда я и взял цитату, которую Вам выписал. Но черт оказался за плечами не только у меня! Вы пишете, что не знаете, есть ли эта цитата в опубликованной части письма, а она есть! Получилось двойное дно.

Но навели меня на след именно Вы, а так я бы тратил время в бесплодных поисках и т.п. Моя книга (по выходе непременно пошлю ее Вам) уже подписывается не к набору, а к печати, а я так бы и не смог указать источника.

И потому спасибо, спасибо, спасибо!

Искренне Ваш Д. Благой

25.4

Р.С. Д.С. Лихачев переслал мне Вашу статью об А.И. Белецком. Обязательно напечатаем и в одном из ближайших номеров. Получил я и Ваш реферат. Спасибо! А когда защита? Если это может быть полезно, охотно напишу о нем несколько хороших слов. На чье имя адресовать?

Искренне Ваш Д. Благой

Обещание свое он выполнил, и его отзыв, конечно, значительно укрепил мои позиции. Все, кто узнавали об участии в моих делах “самого Благого”, расценивали это очень высоко.

Статья, рекомендованная в “Известия АН” Лихачевым, положила начала моему более-менее регулярному сотрудничеству в этом журнале. Год спустя я постучался туда уже сам. После защиты нужно было определять новое направление работы. Среди возможных вариантов я рассматривал и такой — К. Маркс и Ф. Энгельс как писатели, изучение их литературного мастерства. Мысли на эту тему бродили во мне давно, еще когда я учился заочно на романо-германском отделении факультета иностранных языков Харьковского университета. Там я получил второе высшее образование сразу после первого.

На лингвистическом материале старой курсовой работы я написал статью «Образ в языке “Манифеста коммунистической партии”», в которой пытался обосновать мысль, что образность произведений подобного рода является не придатком к их содержанию, не украшением, используемым в посторонних целях, а следствием своеобразного синтеза научного и художественного типов мышления.

В мае 1968 г. исполнялось 150 лет со дня рождения Маркса, я не сомневался, что юбилейным статьям будет открыта зеленая улица, и решил воспользоваться благоприятной ситуацией и направил свою статью в уже знакомую мне редакцию журнала “Известия АН СССР. Серия литературы и языка”, где она попала к его главному редактору — Благому. Она была им безоговорочно одобрена, а письмо, которое он мне прислал, содержало предложения таких мелких поправок, которые нечего было и обсуждать. Если они чем-то существенны, то лишь как подтверждение необыкновенного внимания к поступившему от меня тексту и тщательности его редактирования.

Самым важным мне показалось не то, что он писал, а то, что сказал мне при ближайшей встрече. “Неожиданность вашей темы, — говорил он, — прыжок от Баратынского к Марксу и Энгельсу и проявленная при этом углубленность в совершенно инородный материал произвели ошеломляющее впечатление на многих. Николай Леонидович (Степанов) просто руками разводил, не находя слов. А я, — продолжал он, с довольным видом поглаживая грудь, — нисколько не удивился. Я по вашей книге о Баратынском сразу понял, что от вас многого можно ждать”.

Поскольку моя интенсивная работа над художественным мастерством Маркса и Энгельса совпала по времени с сотрудничеством в “Известиях АН СССР”, в этом журнале была вскоре напечатана и другая моя

статья — «О стиле книги Ф. Энгельса “Положение рабского класса в Англии”».

Несколько раз Дмитрий Дмитриевич насмешливо обыгрывал сходство моей фамилии с фамилией Николая Владимировича Фридмана. Некоторые нас даже путали, ведь у нас были близкие темы: один специализировался на Баратынском, другой — на Батюшкове. Но Благой не только не путал, а противопоставлял: “Буква-то одна, а разница-то большая!” Была ли между нами разница и какая — пусть судят другие, наши же дружеские отношения ничем омрачены не были. Я написал одобрительную рецензию на книгу Фридмана и напечатал ее не где-нибудь, а в журнале Благого, а Николай Владимирович выступил оппонентом на моей защите.

Благой постоянно предлагал мне свою помощь, очень жалел, что я не живу в Москве и не собираюсь в нее переезжать, говорил, что наиболее подходящим для моих данных местом работы был бы Институт мировой литературы. Много раз он настойчиво уговаривал меня написать учебник по русской литературе для средней школы, соблазнял существенными доходами, которые принесла бы мне такая книга: ее, дескать, будут переиздавать ежегодно и каждый раз платить гонорар, уверял, что его положение в Академии педагогических наук таково, что он мне гарантирует ее беспрепятственное прохождение. К сожалению, я не чувствовал никакой склонности к такой работе.

Самой большой услугой, которую он мне оказал, считаю его согласие стать ответственным редактором моей книги “Жизнь лирического жанра”. По каким-то неизвестным мне причинам издательство не захотело обращаться к Д.С. Лихачеву, который был редактором моей предыдущей книги “Творческий путь Баратынского”. Если бы Благой не дал согласия, это место скорее всего занял бы Н.Ф. Бельчиков, с которым я был едва знаком и поэтому его побаивался. С Дмитрием Дмитриевичем у меня было полное взаимопонимание, и мне — как автору с редактором — работать с ним было одно удовольствие. Дело осложнялось лишь одним неблагоприятным обстоятельством: основное наше сотрудничество выпало на лето, я был в Крыму, все вопросы приходилось решать по междугородному телефону, связь была скверная, и мы оба “хлебнули горя”.

В 1977 г. я защищал докторскую. Г.М. Фридендер, к мнению которого я всегда прислушивался, говорил мне: “Много отзывов не нужно. Три вполне достаточно”. Я и отобрал трех: Благого безоговорочно, Покусаева, имевшего в тот момент сильные позиции в ВАКе, и Неупокоеву, которую я высоко ставил как специалиста по жанрам. Но у Неупокоевой произошла какая-то беда в семье (подробностей я не знаю), и двух отзывов мне вполне хватило. Незадолго до меня защищал Л.С. Сидяков, который решил перестраховаться, поставил в свою армию под ружье всех пушкинистов, и, как мне рассказывали, организовал более тридцати отзывов, чем выставил себя на посмешище.

Год спустя вышел составленный мной сборник декабристской критики, по поводу которого Благой мне

писал: “...Хочу, не откладывая, Вас поблагодарить и поздравить: <книга> издана очень изящно, составлена интересно, статья очень дельная, а цитаты, которыми она начинается, очень удачно Вами найдены — и за все это Вам сердечное спасибо и дружеские от меня и Б.Я. приветы. Надеюсь, в ближайший Ваш приезд в Москву Вы нас не минете”.

Б.Я. — это его вторая жена, Берта Яковлевна Брайнина. У них не было оснований сомневаться, что я их “не мину”: я очень любил их навещать и не упускал этой возможности. Чаще всего мы ездили в Переделкино. Я говорю “мы”, потому что моим неизменным спутником бывал наш общий друг Андрей Леопольдович Гришунин. Он был там таким же желанным гостем, как я, а поездка туда была хоть небольшим, но путешествием — вдвоем веселее.

В 1972–1973 гг. вышел в свет двухтомник Благого “От Кантемира до наших дней”. И сам ее автор, и другие рассматривали эту книгу, как некий итог его жизни в науке. Поэтому рецензии на нее, которая должна была появиться в главном литературоведческом журнале страны, придавалось особое значение. По просьбе Благого редакция “Вопросов литературы” заказала ее мне. Рецензия моя была, конечно, положительной, но и не лишённой упреков: я критиковал состав книги, считая, что он недостаточно полно и разносторонне отражает творческий облик автора и его вклад в науку.

В одной из наших бесед Дмитрий Дмитриевич высказал такую мысль: “Чем старше человек, тем ближе ему прошлое. Две мои жизни — вот вам и век Екатерины”. Эта способность вжиться в прошлое, говорить о нем так, как будто он сам тогда жил, ощущается во многих его работах. Как говорил Гёте, “насущенное уходит вдаль, а давность / Приблизившись, приобретает явность”. Именно умение приблизить давность и сделать ее явной я улавливал и исследовал в работах Благого, что и побудило меня назвать свою рецензию “Современность русской классики”.

Во многих статьях, в частности в статье “Диалектика литературной преемственности”, Благой остро и убедительно выступал против одной из самых распространенных болезней нашего литературоведения — тенденции видеть литературное влияние лишь там, где прослеживаются элементы сходства, литературной учебы, более или менее явные реминисценции. Он не просто утверждал, а показывал на многообразном материале, что преемственность — это не только усвоение, но и отталкивание, не только продолжение и развитие, но и критический пересмотр, переоценка “детей” наследия своих литературных “отцов”.

В 1979 г. этот двухтомник, который смело можно отнести к классике советского литературоведения, был выпущен вторым изданием. Дмитрий Дмитриевич мне его подарил, сделав такую надпись: “Дорогому Леониду Генриховичу Фризмону к предстоящему пятнадцатилетию нашей дружбы, несколько за это время не постаревший Д. Благой. 4.1X.1979. Переделкино”. Могу уверенно подтвердить, что эта самооценка стопроцентно отвечает действительности. За годы

моего общения с Благом он совершенно не изменился: каким я его увидел впервые, таким он был и в последнюю встречу. Прямой, без тени старческой сгорбленности, то же лицо, голос, манера речи и жестикологии, походка... А был ему 91 год! Вручая мне книги, он с улыбкой сказал: “Ни одно доброе дело не остается безнаказанным!”

Как человек, с которым Дмитрий Дмитриевич делился сокровенным, я знал, что жила в нем острая, неизбывная, пожизненная боль — что он не стал академиком. Как мне рассказывали, его избрание было предрешено, уже банкет был заказан. Но В.В. Виноградов, который был академиком-секретарем Отделения литературы и языка, а Благого терпеть не мог, сумел все переиграть и избран был А.И. Белецкий. Благой так и не смог с этим примириться, думал об этом неотступно. Когда пришло известие о том, что в Ленинграде умер Жирмунский, он мне сказал: “Ну что ж, он все же успел...”. Это значило: успел побыть академиком.

Не могу обойти молчанием один не просто странный, но, по мне, прямо-таки необъяснимый эпизод биографии Благого. На его даче, на самом видном месте красовался большой плакат, вывешенный, я думаю, Бертой Яковлевной: “НИГДЕ КРОМЕ, КАК В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ”. Это было строгое указание ее мужу не заниматься ничем, кроме завершения “Творческого пути Пушкина”.

Считалось общеизвестным, что Благой только и занят тем, что пишет этот третий том денно и нощно. Подтверждения этого содержатся в его письмах. Так, в письме от 28 мая 1975 г. он писал: «Ваше отношение к моей “элегической” статье и тронуло меня и порадовало, тем более, что это кусочек моего третьего тома (из раздела “На подступах к “Евгению Онегину”)

и в таком виде я не придавал ей особого значения и даже, получив недавно оттиски, не очень спешил посылать ее в Вашу русскую “Элегиаку”. Сейчас (тоже со страшным запозданием) получил оттиски еще трех моих статей (две первые начатки моего цикла “Пушкин в развитии мировой литературы” — всего их, будет, видимо, 6 — это, конечно, не третий том, но написаны именно для него, и сюда же идущую статью “Читал ли Пушкин “Фауста” Гете”».

И вот Благого не стало. Его смерть была неожиданной для окружающих. 14 февраля 1984 г. он лег спать и не проснулся. А вскоре распространился странный слух — что рукопись третьего тома *исчезла*. Остались, дескать, отдельные рабочие варианты, которые находятся в Архиве РАН. Хоть вы меня убедите, я не могу понять и поверить, что рукопись такой огромной книги так себе исчезла. С кем я ни заговаривал на эту тему, все мои собеседники терялись в догадках.

На протяжении двадцати двух лет, с 1954 по 1976 год Дмитрий Дмитриевич был главным редактором журнала “Известия АН СССР. Серия литературы и языка”. Не знаю, находился ли кто-нибудь у кормила этого издания более длительный срок. Как человек, сотрудничавший в нем на протяжении семи или восьми лет, я много взаимодействовал и с главным редактором, и с заведующей редакцией Татьяной Сергеевной Глебовой, с которой он меня свел и к которой я продолжаю питать самые сердечные и благодарные чувства.

Сейчас, когда, по пушкинскому слову, “мы близимся к началу своему”, не могу не отдавать себе отчет в том, как я обязан людям, которые меня окружали, поддерживали, вдохновляли, помогали словом и делом. Таким, как Дмитрий Дмитриевич Благой.